

ГЛАВА I

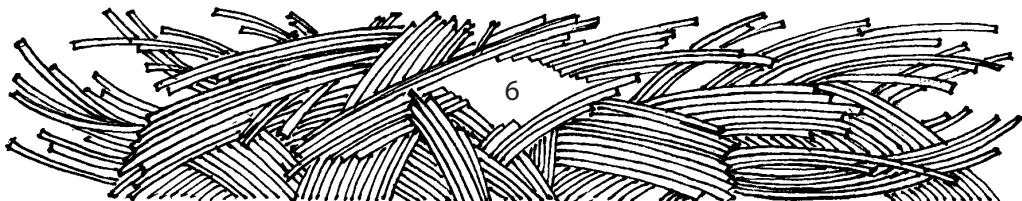
Мистер Джонс, хозяин Господского Двора, запер на ночь курятник, но про лазы для молодняка спьяну забыл. Фонарь в его руке ходил ходуном, круг света метался из стороны в сторону, когда он, выписывая вензеля, прошел к чер-

ному ходу, скинул сапоги, нацедил в кладовке свою последнюю в этот день кружку пива из бочки и залез в кровать, где уже задавала храпака миссис Джонс.

Едва в спальне погас свет, во всех службах послышались шорох и шуршание. Днем прошел слух, что старику Главарю, призовому хряку средней белой породы, прошлой ночью приснился удивительный сон и он хочет рассказать о нем животным. Договорились, как только мистер Джонс уберется восвояси, собраться в большом амбаре. Старика Главаря (его всегда называли так, хотя выставлялся он под кличкой Краса Уиллингдона) на ферме почитали, и все охотно согласились недоспать час, лишь бы послушать его.

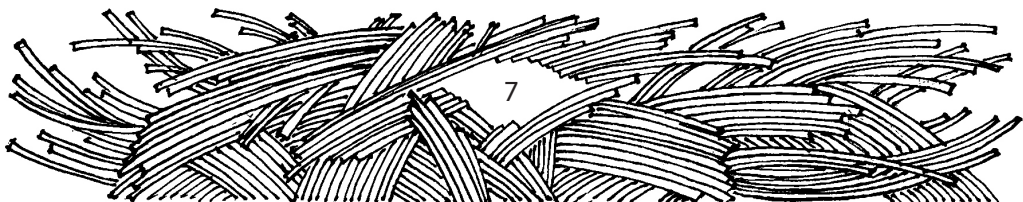
В глубине амбара на чем-то вроде помоста под свисающим с матицы фонарем раскинулся на охалке соломы Главарь. Ему стукнуло двенадцать, и хотя за последние годы он огрузнел, но был по-прежнему величав, мудрого и благожелательного облика этой свиньи не портили даже неподпиленные клыки. Вскоре начали стекаться другие животные, они долго возились, стараясь расположиться — каждое на свой лад — поудобнее.

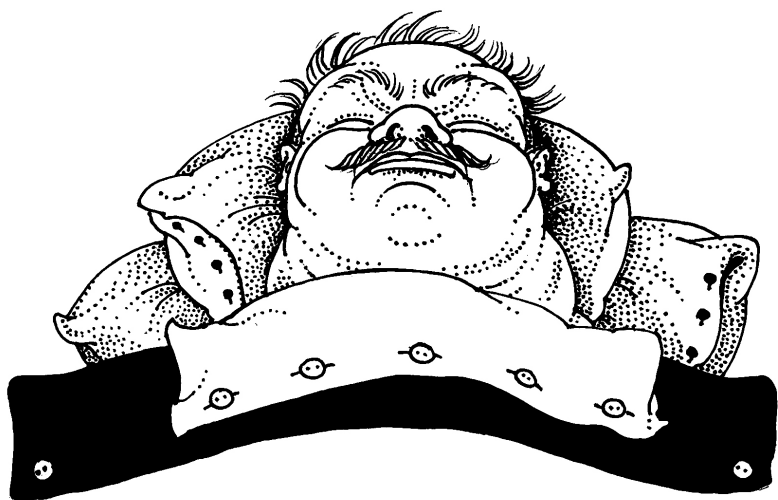
Первыми прибежали три собаки: Ромашка, Роза и Кусай, за ними притрусилы свиньи — эти разлеглись перед помостом на соломе. Куры взгромоздились на подоконники, голуби вспорхнули на стропила, овцы и коровы поме-

стились позади свиней и принялись за свою жвачку. Боец и Кашка, пара ломовых лошадей, пришли вместе, они неторопливо пробирались к помосту, долго искали, куда бы ступить, чтобы невзначай не раздвоить копытом с косматой щеткой снующую в соломе мелюзгу. Кашка была де-белая сердобольная кобыла не первой молодости, сильно отяжелевшая после четвертого жеребенка. Боец, могучий коняга чуть не двухметрового роста, силой превосходил двух обычных коней, вместе взятых. Из-за белой отметины на храпу он казался глуповатым, да и впрямь умом не блистал, но его почитали за стойкость и неслыханное трудолюбие. Вслед за лошадьми прискакали белая коза Мона и ослик Вениамин. Вениамин был старше всех на ферме годами и хуже всех нравом. Он больше помалкивал и молчание нарушал, только чтобы отпустить какое-нибудь циничное замечание — к примеру, заявлял, что Господь Бог дал ему хвост, чтобы отгонять мух, но он лично обошелся бы без хвоста и без мух. Он один из всей скотины на ферме никогда не смеялся. И если у него допытывались почему, отрезал: не вижу, мол, повода. При всем при том он был предан Бойцу, хотя никак этого не выказывал, и по воскресеньям они обычно паслись бок о бок в загончике за садом, щипали траву, но разговаривать не разговаривали.

Едва лошади улеглись, как в сарай гуськом прошествовал выводок отбившихся от матери-утки утят, они слабо попискивали и шныряли из стороны в сторону, выискивая местечко, где бы на них не наступили. Кашка огородила их передней ногой, они отлично устроились за ней и тут же заснули. В последнюю минуту, жеманно семеня и хрупя куском сахара, явилась серая кобылка Молли, хорошенькая дурочка, возившая дрожки мистера Джонса. Она расположилась поближе к помосту и тут же принялась потряхивать гривой — ей не терпелось похвастаться вплетенными в нее красными лентами. Последней пришла кошка, огляделась по сторонам, привычно выбирая местечко потеплее, в конце концов втиснулась между

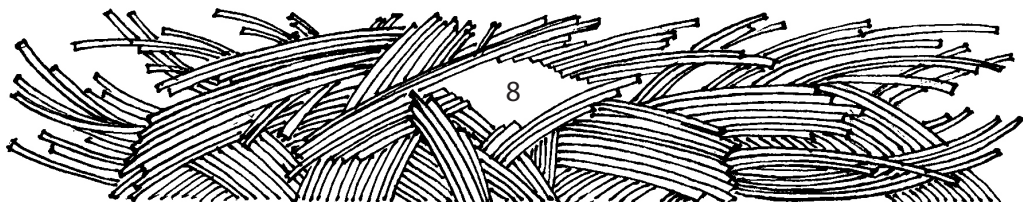

Бойцом и Кашкой и блаженно замурлыкала — речь Главара от начала до конца она пропустила мимо ушей.

Теперь в амбар сошлись все, за исключением ручного ворона Моисея — он дремал на шестке у черного хода. Когда Главарь убедился, что животные удобно поместились и настроились слушать, он откашлялся и начал свою речь:

— Товарищи! Как вам известно, минувшей ночью мне приснился удивительный сон. Но я перейду к нему попозже. Сначала я хочу с вами поговорить о совсем других вещах. Я думаю, товарищи, что вскоре я вас покину, поэтому считаю своим долгом перед смертью поделиться с вами накопленной мудростью. Я прожил долгую жизнь, пока лежал один в своем закуте, многое успел обдумать и, по-моему, с полным правом могу сказать, что понимаю, как устроена жизнь на земле, не хуже любого другого животного из ныне здравствующих. Вот об этом-то я и хочу с вами поговорить.

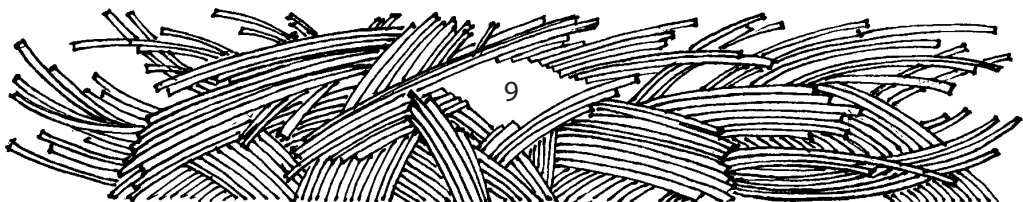
Так вот, товарищи, как устроена наша жизнь? Давайте смотреть правде в глаза. Нищета, непосильный труд, безвременная смерть — вот наш удел. Мы появляемся

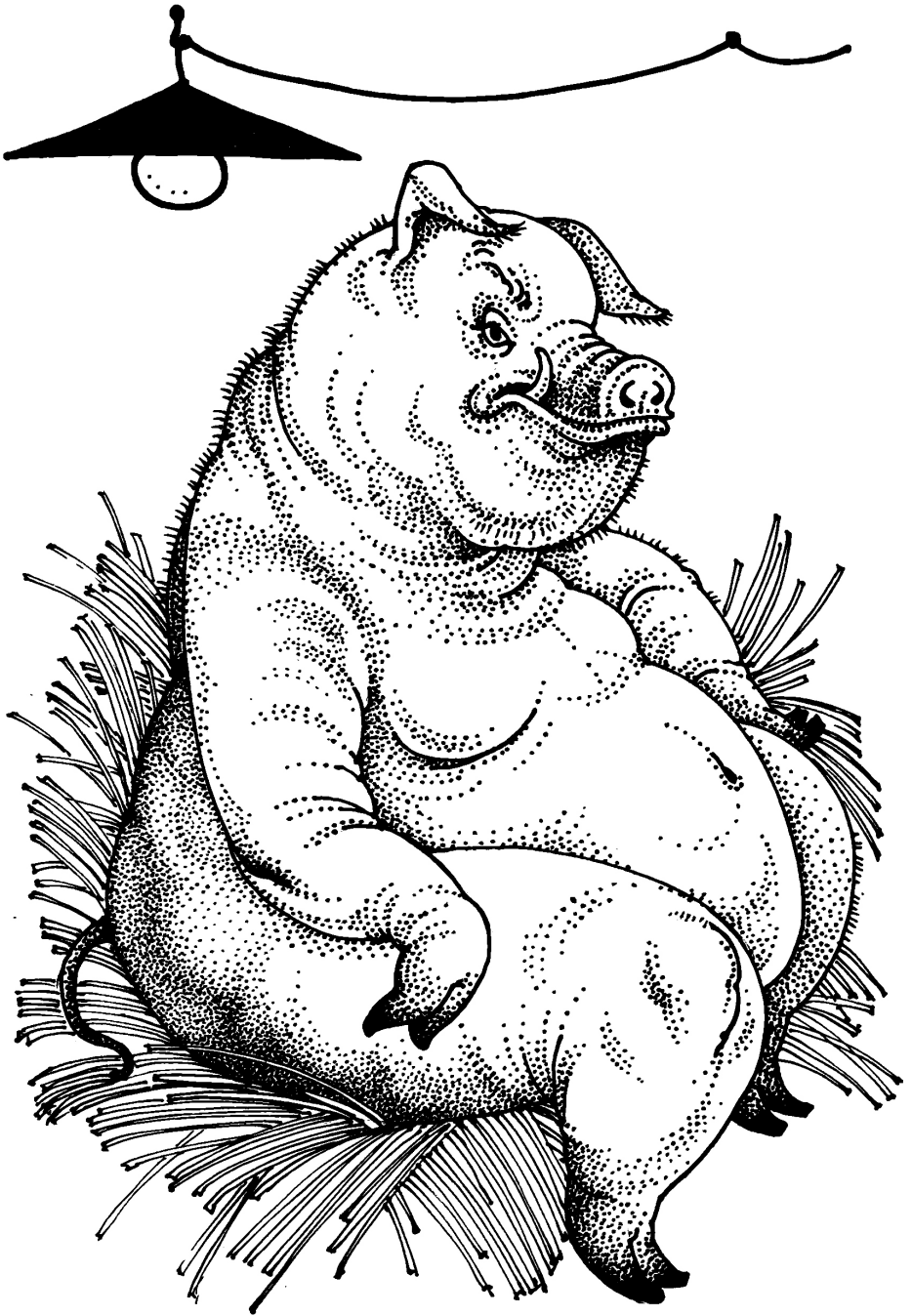

на свет, мы получаем ровно столько корма, чтобы не умереть с голода, а рабочий скот еще и изнуряют работой, пока не выжмут из него все соки, когда же мы больше ни на что не годны, нас убивают с чудовищной жестокостью. Нет такого животного в Англии, которое не распростилось бы с досугом и радостью жизни, едва ему стукнет год. Нет такого животного в Англии, которое не было бы закабалено. Нищета и рабство — вот что такое жизнь животных, и от этого нам никуда не уйти.

Но разве таков закон природы? Но разве страна наша так бедна, что не может прокормить тех, кто в ней живет? Нет, товарищи, нет, нет и еще раз нет. Земля Англии обильна, климат ее благодатен, и кроме нас она способна прокормить досыта еще многих и многих. Одна наша ферма могла бы содержать дюжину лошадей, два десятка коров, сотни овец, и все они жили бы привольно и достойно, так, как нам и не снилось. Почему же тогда мы влачим это жалкое существование? Да потому, что плоды нашего труда присваивают люди. Вот в чем причина всех наших бед. Если определить ее коротко — она в человеке. Человек — вот кто наш истинный враг. Если мы уберем человека, мы навеки покончим с голодом и непосильным трудом, ибо человек — их причина.

Из всех живых существ один человек потребляет, но ничего не производит. Он не дает молока, не несет яиц, его нельзя запрячь в плуг, потому что он слишком слаб, ему не поймать кролика, потому что он не умеет быстро бегать. Все так, и тем не менее он властвует над нами. Он заставляет нас работать на себя, забирает плоды наших трудов, нас же самих кормит впроголодь. Нашим трудом обрабатывается земля, нашим навозом она удобряется, а что у нас есть? — ничего, кроме своей шкуры. Вот вы, коровы, сколько литров молока вы дали за последний год? И куда пошло это молоко, которым вы могли бы вспоить крепких телят? Его все, до последней капли, выпили наши враги. Вот вы, куры, сколько яиц вы снесли за этот год

и из скольких яиц вылупились цыплята? Куда же пошли остальные? Их продали на рынке Джонс и его работники, чтобы выручить деньги для себя. Вот ты, Кашка, где твои жеребята, четверо жеребят, твои надежда и опора в старости? Их продали одного за другим, едва им стукнул год, и ты никогда больше их не увидишь. Тяжело они тебе достались, тяжело ты работала в поле, и что же ты получила взамен — скудный паек, место в деннике, и больше ничего!

Но даже это жалкое существование обрывают до времени. Мне грех жаловаться, мне повезло. Мне пошел тринадцатый год, четыреста поросят родились от меня. Так природа определила жить хряку. Но нет такого животного, которого в конце жизни не настиг бы беспощадный нож. Вот вы, подсвинки, не пройдет и года, и вы все до одного, отчаянно вереща, проститесь с жизнью на колоде. Всех вас — коров, свиней, кур, овец, всех-всех ждет этот страшный конец. Даже лошадей, даже собак и тех он не минует. Вот ты, Боец, в тот самый день, когда и тебя, такого могучего, покинут силы, Джонс сбудет тебя живодеру, и тот перережет тебе горло и пустит на корм гончим. Собакам же, когда состарятся и обеззубеют, Джонс привяжет кирпич на шею и утопит в ближайшем пруду.

Неужели вам еще не ясно, товарищи, что причина наших бед — гнет людей? Если скинуть человека, никто не будет присваивать плоды нашего труда. Назавтра же мы освободимся от нищеты и несправедливости. Итак, что делать? Работать день и ночь, не щадя сил, и свергнуть людское иго! Восстание, товарищи! — вот вам мой завет. Я не знаю, когда разразится восстание, — через неделю или через сто лет, но уверен, точно так же как уверен в том, что стою на соломе, рано или поздно справедливость восторжествует. Всю свою, хоть и недолгую, жизнь положите, чтобы приблизить ее! А главное — донесите мой завет до тех, кто придет вам на смену, и пусть грядущие поколения доведут борьбу до победного конца.

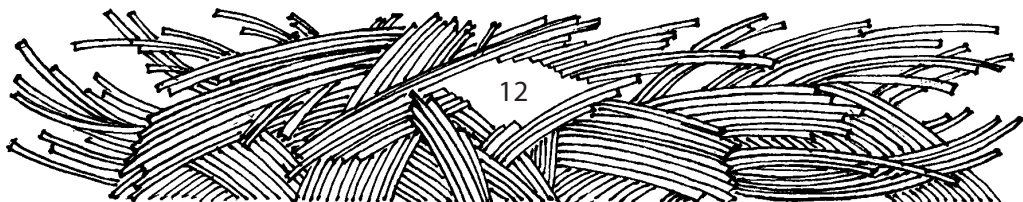
И главное, товарищи, будьте стойкими. Не дайте увлечь себя с пути борьбы никакими доводами. Не слушайте, если вам будут говорить, что у человека и скотины общие цели, что их процветание неразрывно связано. Все это вражеские происки. Человек преследует свои, и только свои интересы. И да будет наше единство в борьбе, наше товарищество нерушимо! Все люди — враги. Все животные — товарищи.

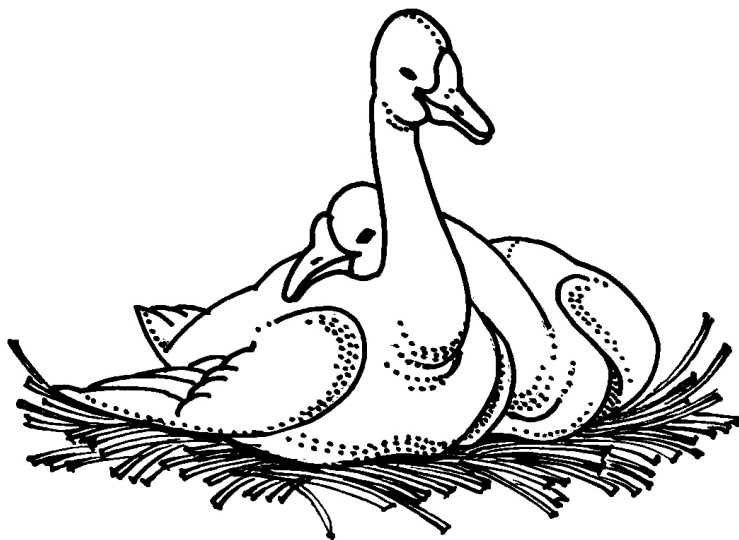
Тут поднялась страшная кутерьма. Четыре здоровенные крысы — речь Главаря выманила их из нор, — усевшись на задние лапки, внимали ему. Но дослушать речь до конца им не удалось — они попались на глаза собакам, и, не юркнув они в норки, не сносить бы им головы. Главарь поднял ножку, призывая к молчанию.

— Товарищи, — сказал он, — есть один пункт, который следует уточнить. Дикая тварь: крысы или, скажем, кролики, — друзья они нам или враги? Давайте проголосуем: кто за то, что крысы друзья?

Тут же состоялось голосование, подавляющим большинством голосов постановили считать крыс товарищами. Против голосовало всего четверо: три собаки и кошка, правда, потом обнаружилось, что она голосовала и «за» и «против». А Главарь продолжал:

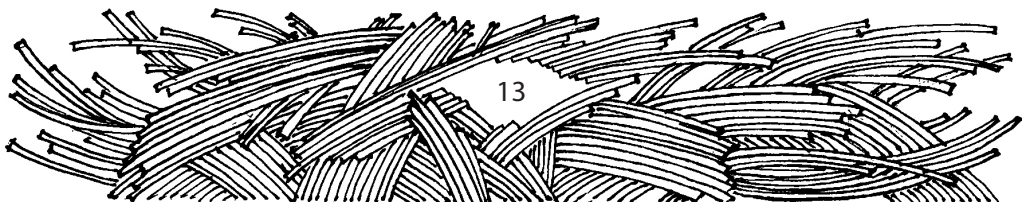
— Моя речь близится к концу. Хочу только повторить: никогда не забывайте, что ваш долг — бороться с человеком и всем, что от него исходит. Всякий, у кого две ноги, — враг. Всякий, у кого четыре ноги, равно как и тот, у кого крылья, — друг. Помните также: в борьбе против человека не уподобляйтесь ему. Даже победив его, не перенимайте его пороков. Не живите в домах, не спите на кроватях, не носите одежды, не пейте спиртного, не курите, не занимайтесь торговлей, не берите в руки денег. Все людские обычаи пагубны. А главное — ни одно животное не должно угнетать другого. Слабые и сильные, хитроумные и недалекие, — все мы братья. Ни одно животное не должно убивать другого. Все животные равны.

А теперь, товарищи, я расскажу вам о том, что за сон приснился мне прошлой ночью. Описать его вам я не берусь. Мне снилось, какой станет наша земля, когда человек исчезнет с ее лица. Сон этот воскресил в моей памяти одно воспоминание. Давным-давно, когда я был еще поросенком, моя мать вместе с другими свиньями певала одну старинную песню: помнили они из нее лишь мотив и первые три слова. В детстве я знал этот мотив, но он уже давно выветрился из моей памяти. А прошлой ночью во сне я его вспомнил, мало того, я вспомнил и слова этой песни, слова, которые, я уверен, пела скотина в незапамятные времена, но потом они были забыты, и вот уже несколько поколений их не знают. А сейчас, товарищи, я спою вам эту песню. Я стар, голос у меня сиплый, но я хочу обучить вас ей, а уж вы будете петь ее как следует. Называется она «Твари Англии».

Старый Главарь откашлялся и запел. Голос у него, и верно, был сиплый, но пел он неплохо. И мотив, помесь «Клементины» и «Кукарачи», брал за сердце. Вот эта песня:

*Твари Англии и твари
Всех земель, какие есть,
О земном грядущем рае
Принимайте, твари, весть!*

*Твари, будете счастливы,
Будет свергнут человек,
Будут все луга и нивы
Тварям отданы навек.*

*Мы кольцо из носа вынем —
Наша все-таки взяла!
Кнут ломаем, упряжь скинем,
Заржавеют удила!*

*Может, ждать придется долго,
Но пшеница и ячмень,
Сено, и бобы, и свекла —
Будут наши в этот день!*

*Станут чище наши воды,
Станет ярче восходов цвет,
Слаще воздуха свободы
Ничего для твари нет.*

*До свободы путь-дорога
Далека — не все дойдут;
Гуси, лошади, коровы,
Отдадим свободе труд.*

*Твари Англии и твари
Всех земель, какие есть,
О земном грядущем рае
Принимайте, твари, весть!¹*

¹ Здесь и далее перевод стихов В. Корнилова.

Животные пришли в неистовое возбуждение — так потрясла их эта песня. Не успел Главарь допеть песню до конца, как они тут же подхватили ее. Даже самые тупые усвоили мотив и отдельные слова, но самые из них умные, то есть свиньи и собаки, через несколько минут знали песню наизусть от первого до последнего слова. И, прорепетировав раз-другой, вся ферма, как один, дружно грянула «Твари Англии». Каждый пел на свой лад: коровы мычали, собаки лаяли, овцы блеяли, лошади ржали, утки кричали. Песня так легла животным на сердце, что они пропели ее пять раз кряду и, наверное, пели бы всю ночь напролет, если бы их не прервали.

На беду, шум разбудил мистера Джонса — он вскочил с постели, решив, что во двор прокралась лисица. Схватил ружье, которое держал на всякий случай в углу, и выстрелил дробью в воздух. Дробины врезались в стену амбара, и собрание мигом расточилось. Все разбежалось по своим местам. Куры взобрались на насесты, животные улеглись на солому, и вскоре вся ферма погрузилась в крепкий сон.

